

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

*Работа представлена кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л. С. Макарова*

В статье рассматривается категория неопределенности с позиций специфики речевого поведения говорящих. Анализируется прагматический компонент, который является важной частью содержания категории неопределенности. Особое внимание уделяется неопределенному местоимению-прилагательному «некий», указывающему на уклончивость и размытость речевого обозначения мнений, суждений и характеристик.

Ключевые слова: *категория неопределенности, неопределенные местоимения, модальность высказывания, антропоцентрическая сущность неопределенности, антропометричность, модус неопределенности, прагматика, коммуникативный компонент, речевое поведение.*

INDEFINITE PRONOUNS IN THE COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

The category of indefiniteness is considered in the paper from the positions of the specificity of speakers' behaviour. The author analyses the pragmatic component, which is an important part of the content of the indefiniteness category. Special attention is paid to the indefinite pronominal adjective "nekiy" ("some") indicating the evasiveness and blurring of verbal designation of opinions, judgements and characteristics.

Key words: category of indefiniteness, indefinite pronouns, modality of an utterance, anthropocentric essence of indefiniteness, anthropometricity, modus of indefiniteness, pragmatics, communicative component, speech behaviour.

Как известно, структура человеческого сознания предполагает наличие двух обязательных элементов: познание внешнего мира (предметов, явлений и их взаимосвязи) и самопознание, т. е. осознание связей человека с реальной действительностью. Местоимение связано со вторым из этих компонентов, оно вводит в систему частей речи понятие «я», предполагающее наличие «ты» и всего остального, что находится вне «я» и «ты» и составляет предмет речи. Местоимение – самый антропоцентричный элемент речи, его использование позволяет ввести в речь мыслящего и говорящего субъекта. Местоимения выражают целую гамму разговорных значений, эксплицируя связи между предметами, явлениями и говорящими субъектами (притяжательные местоимения), а также природу и уровень знаний говорящих субъектов об этих предметах и явлениях (указательные, вопросительные, неопределенные и др. местоимения).

Корреляция определенность/неопределенность имеет отношение к предмету речи. В отличие от корреляции, образованной личными местоимениями, корреляция определенности/неопределенности весьма неоднобразна по своему составу и охватывает все остальные местоимения: соответственно неопределенные, притяжательные, вопросительные, указательные и др. К собственно неопределенным местоимениям мы относим местоимения, выражающие качественную неопределенность.

Проблема определенности/неопределенности (с явным преобладанием интереса к

неопределенности) уже давно является предметом исследования лингвистов и приобретает все большую значимость в связи с развитием речевой прагматики.

Современный этап в развитии лингвистических исследований характеризуется возросшим интересом ученых к проблемам функционально-коммуникативного плана и к анализу специфики речевого поведения говорящих. Субъективно-коммуникативный (прагматический) компонент является непременной и, более того, семантически стержневой частью содержания категории неопределенности [3, с. 27].

М. В. Попович в своем анализе лингвистических теорий, в рамках которых изучается категория неопределенности, приходит к выводу, что динамика исследований данной проблемы свидетельствует о том, что изучение переходит из сферы языка в сферу речевого общения, где может быть выявлена антропоцентрическая сущность неопределенности. Именно это в первую очередь определяет субъективность значения неопределенности, поскольку в ней проявляется отношение человека к объекту и его характеристикам [8, с. 35].

По мнению У. Чейфа, категория неопределенности стоит в одном ряду с некоторыми другими категориями, которые «относятся скорее к способу передачи содержания, чем к самому содержанию. В частности, все они связаны с тем, как говорящий оценивает способность слушающего понять то, что говорится, на основании определенного контекста» [10, с. 278].

Категория неопределенности прежде всего ориентирована на адресата речи. Для говорящего все имена соотнесены с предметами с самого начала речи, еще до речевого акта, а для адресата – нет. Следовательно, чрезвычайно важным для категории неопределенности является фактор адресата.

Как отмечает С. Д. Кацнельсон, значения неопределенности связано прежде всего «с вводом в речевое сообщение „новых“, т. е. ранее не упоминавшихся, предметов» [5, с. 240]. Неопределенное значение приписывается субстанции при первичном упоминании о предмете в тексте или в ситуации. Это значит, что говорящий, когда он вводит в коммуникацию название того или иного предмета, учитывает, является ли упоминаемый предмет знакомым слушающему или нет. Если говорящий убежден, что данный объект для слушающего является новым, то имя выступает в значении неопределенности [5, с. 240].

Однако значение неопределенности не исчерпывается сферой неизвестности объекта, в речи оно обрастает многочисленными дополнительными смысловыми нюансами. В ходе развития русского языка удельный вес категории неопределенности постепенно возрастал. Сам факт неуклонного расширения этой категории в русском языке симптоматичен. Он особенно значим на фоне современной языковой ситуации, в которой речь – устная и письменная – утратила упорядоченность, стала более непосредственной и субъективной. Она в большей мере, чем нормированный литературный язык, выявляет особенности мировосприятия говорящих.

Важно и то, что категория неопределенности активна. Она значима, но не относится к числу необходимых и обязательных, а входят в фонд «свободной грамматики» (термин Н. Д. Арутюновой), где ее употребление зачастую не является необходимым, но имеет коммуникативную значимость. Не язык «навязывает» говорящим отношения неопределенности, а скорее говорящие «навязывают» их языку. Более того, нередко выражения неопределенных смыслов избыточны. Не случайно то, что некоторые показатели неопределенности квалифицируются как речевые помехи, с ко-

торыми борются блюстители культуры речи и которых избегают хорошие стилисты.

В повседневной речи, публицистике, радио- и телепередачах неопределенные местоимения и модальные слова, имплицитные высказывания, употребляются часто и без большой нужды. Иногда они выражают оценочное значение, иногда – незавершенность мысли, очень часто маркируют нестандартное положение вещей. Критик В. Новиков в статье, посвященной речевому поведению, пишет на страницах журнала «Новый мир»: «как бы и некий – это как бы некие символы нашей культурной эпохи... Наше время не любит решительных глаголов и оценочно-выразительных эпитетов. Мы как бы живем некоей жизнью» [7, с. 142].

С другой стороны, В. В. Колесов в книге «Язык и ментальность», выделяя характерные особенности русского языка (или ментальные признаки сознания), говорит о том, что «неопределенность высказывания с большим количеством неопределенных местоимений повышает степень уклончивости и размытости русской мысли, которая... сторонится определенности понятия. Сказать до конца ясно – прямо – значит открыться до времени и тем самым обезоружить себя». Изобилие наречных и местоименных форм на время помогает спрятаться за словом: «Русские говорят громко там, – с иронией замечал Александр Герцен, – где другие говорят тихо, и совсем не говорят там, где другие говорят громко» [цит. по: 6, с. 27].

С этих позиций особого внимания заслуживает неопределенное местоимение-прилагательное «некий». Как правило, его употребление факультативно, ср.: *В этом заключена высшая идея и В этом заключена некая высшая идея* (или: *Это имеет смысл и Это имеет некий смысл*). В подобных употреблениях «некий» представляет собой прежде всего средство «интеллектуализации» сообщения. Местоимение «некий» указывает на непознанность, наличие интеллектуального поиска, важность эвристического составляющей речевого мыслительного процесса, ср.: *Первая главнейшая цель... есть сохранение и предание потомству некоего важного таинства...* [9, с. 424]

Неслучайно поэтому «некий» наиболее часто используется при абстрактных существительных: *идея, смысл, образ, тенденция, подход, состояние* и др. Смысловая валентность подобных лексических единиц предполагает наличие признака. Использование местоимения-прилагательного «некий» может означать:

- уход от категоричной оценки (наиболее часто «некий» не имеет эксплицитно выраженной оценочности: *хороший/плохой*);
- имплицирование сложности и неоднозначности квалификации («некий» – непознанный, не вполне осознанный, нуждающийся в познании).

Вместе с тем местоимение «некий» нередко используется в оценочной функции. Например: *Некий выскочка добился от Шенеля, чтобы тот передал его предложение руки и сердца* [2, с. 46].

Как мы видим, использование оценочного «некий» определяется контекстом высказывания. В данном случае, лексическая единица «выскочка» имеет отрицательную коннотацию, которая акцентируется неопределенным местоимением «некий», вносящим в речь оттенок пренебрежительности.

В эмотивной функции местоимение «некий» широко используется в сочетании с существительными, обозначающими психологические состояния, чувства, аффекты. Например: – *Молодой человек, – продолжал он, восклоняясь опять, – в лице вашем я читаю как бы некую скорбь* [4, с. 17].

С другой стороны, в речевой практике использование «некий» имеет также и модальный оттенок пренебрежения. Так, высказывание «*Вы привели некие аргументы*» неравнозначно

высказыванию «*Вы привели некоторые аргументы*». Если второе высказывание объективно указывает на количественный аспект, то первое прежде всего подчеркивает недостаточность и сомнительность доводов собеседника.

Широкая трактовка неопределенности в прагматическом аспекте позволяет рассматривать данное понятие с позиций модальности высказывания.

В. В. Гуревич особо подчеркивает важнейшее из свойств категории модальности – ее субъективность и соответственно прагматическую сущность, которая доминирует над ее семантикой [3, с. 29]. Модус неопределенности связан с помещением в сознании говорящего какого-либо понятия в ассоциативно-гипотетическую сферу, лишенную четкой референтной отнесенности.

Характерный для неопределенности параметр – антропометричность. Выбор основания для того, чтобы выявить неопределенность, связан со способностью человека соразмерять все определенное (точное, конкретное, ясное, понятное) для себя с представлением о наличии нового, непонятного, недоступного, абстрактного, трудно поддающегося описанию и представлению.

Обозначение неопределенного связано с лингвокреативностью в эмпирической деятельности человека и, разумеется, с когнитивным процессом. Характер обозначения зависит от индивидуального (стандартного) или нестандартного мышления.

В целом, многие аспекты изучения данной проблемы остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения и систематизации. Работа в данном направлении представляется нам весьма актуальной и перспективной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Изд-во «ЛКИ», 2007. 384 с.
2. Бальзак О. Евгения Гранде / пер. с франц. Н. Яковлевой, Б. Грифцова. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. 688 с.
3. Гуревич В. В. О семантике неопределенности // Филологические науки. 1998. № 1.
4. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. М.: Изд-во «Правда», 1976. 543 с.
5. Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы // ВЯ. 1984. № 4.
6. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2004. 240 с.
7. Новиков В. Ноблесс оближ. О нашем речевом поведении // Новый мир. 1998. № 1. С. 139–153.

Сферы-источники прецедентных феноменов, связанных с немецкой культурой, в российских СМИ

8. *Попович М. В.* Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 2001. Вып. III.
9. *Толстой Л. Н.* Война и мир. СПб.: Изд-во «Каравелла», 1993. 714 с.
10. *Чейф, У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. II. С. 277–316.